

Нужен ли был России конфликт с Наполеоном в 1812 году?

С. Т. БРЕЗКУН

К «грозе 1812 года» Россию привела пресловутая континентальная блокада, а точнее – Россия привела себя к кризису и конфликту с Францией сама. Еще точнее – к этому привела Россию ее своекорыстная элита.

По замыслу Наполеона вся континентальная Европа должна была прекратить ввоз любых товаров английского происхождения, включая колониальные (чай, кофе и т. д.), и вывоз любых товаров в Англию. Англия уже тогда имела репутацию «мастерской мира», и исчезновение с европейского рынка ее промышленных товаров, как и прекращение поставок сырья из Европы (и, прежде всего, из России) в Англию, ставило экономику континента в сложное положение. Англии же вообще грозила катастрофа. Не имея возможности высадить на Английском острове войска, император французов намеревался удуть страну экономической блокадой.

Давно стало общественным мнение, что блокада якобы нанесла экономике России такой непоправимый ущерб, что терпеть ее было уже невозможно, а, значит, надо было воевать с Наполеоном – чем и объясняется разразившаяся Отечественная война... Однако так ли это было на деле? И таким ли уж губительным стало для экономики России вовлечение ее в режим континентальной блокады?

Нашествие Наполеона на Россию стоило нам огромных людских и материальных потерь. По данным классического по сей день труда В. Ц. Урланиса «История военных потерь» потери русской армии убитыми за все время наполеоновских войн составили 90 тысяч человек, а общие потери убитыми, ранеными и попавшими в плен – 316 тысяч человек.

Для России с ее населением в 1812 г. в 41 миллион человек это, казалось бы, не так уж и много. Однако итоговая цифра вряд ли точна и, скорее всего, занижена – не Урланисом, конечно. А кроме того, здесь не учтены (их учесть тогда было невозможно) умершие от болезней – как солдаты и ополченцы, так и гражданское население.

Полоса наступления Наполеона и отступления русской армии, а затем отступления Наполеона и наступления русской армии стала зоной, по сути, «выжженной земли»... Плюс – сожженные Смоленск и Москва, не считая небольших городков и сел... Причем не забудем то, что напомнил Кутузов осенью 1812 г. в своем письме начальнику наполеоновского императорского штаба: «Трудно остановить народ, раздраженный всем, что он видел, народ, который уже триста лет не знал войны внутри государства».

Триста лет, не триста лет (хотя для Центральной России почти так оно и было), но даже Карл XII опустошал Украину более ста лет назад. Так что в России у живущих поколений опыта военной разрухи до 1812 г. не было. Зато после 1812 г. этого опыта было через край...

Исчисление потерь России в Отечественной войне в рублях мне в литературе не попадалось, да и вряд ли даже специальные исследования могут дать представительные оценки. Но априори можно предполагать, что если бы нашествия Наполеона на Россию не было, то все ее финансовые потери от продолжающейся континентальной блокады были бы существенно меньшими, чем денежное исчисление материальных потерь. Воевать на своей земле всегда накладнее, чем не воевать. И уже это соображение ставит под вопрос целесообразность для России отказа от участия в континентальной блокаде, предпринятой Наполеоном, ценой войны с Наполеоном.

Да, участие в континентальной блокаде привело к сокращению внешнеторговых оборотов России со 120 миллионов рублей в 1806 г. до 83 миллионов в 1808 г., при этом и вексельный курс рубля упал на 30–40 %. Впрочем, валют-

Наполеон

ные махинации к реальной экономике существенного отношения не имеют – это очень ярко проявляется в нынешнем мире. Другое дело, что снижение русского экспорта в Англию в результате континентальной блокады действительно имело место. И недаром ломали голову над проблемами финансов и экономики Сперанский, Балутьянский, Мордвинов, Гурьев и сам царь Александр.

Однако минусы нередко таят в себе и плюсы... Например, для живущей морской торговлей Голландии блокада означала разорение. Во Франции морские порты Ла-Рошель, Бордо тоже приходили в запустение... Тем не менее для Франции в целом, Бельгии и Германии блокада стала хотя и не оптимальным, но все же стимулятором развития национальной промышленности. Понятия «импортозамещение» тогда еще не было, но проблема-то уже имелась.

В Бельгии, например, в 1795 г. добывалось 800 000 тонн угля, а в 1811 г. – 1 300 000 тонн... В Генте число текстильных машин увеличилось с 500 в 1808 г. до 2 900 в 1810 г. Во Франции в Сен-Кантене численность занятых в хлопчатобумажной промышленности возросла с 500 человек в 1806 г. до 1 500 в 1810 г.; промышленный бум в Ахене увеличил население с 10 до 30 тысяч, а число мануфактур увеличилось в десять раз... Блокада положила начало индустриальному развитию Саксонии и Северной Италии. В Европе развивалась сталелитейная промышленность, расширились посевы сахарной свеклы для замены сахарного тростника и так далее...

Конечно, в житейском плане условия блокады мало кого в континентальной Европе радовали, но жизнь, тем не менее, продолжалась, и возникали новые перспективы.

Александр I

А что же Россия?

Для определенного и крайне влиятельного слоя российского населения подключение России к наполеоновской континентальной блокаде оказалось тяжелым ударом, и мы уже знаем, что это был за слой... До блокады русские помещики традиционно сбывали лес, полотно и пеньку в Англию, а теперь приходилось беднеть. Собственно, даже не беднеть! Бедствовать никто не бедствовал, но отказываться от ставших привычными трат на излишества приходилось. Сменивший Савари в Петербурге Арман де Коленкур сообщал в Париж: «Для знати, за весьма немногими исключениями, дело непоправимо. При своих запутанных делах, обремененные всегда долгами и находящиеся вечно под ножом ростовщиков, они еще больше будут страдать, пока продолжается война (с Англией – С.Б.), и, следовательно, будут сетовать...».

Приводя эти строки, академик Покровский заключает: «Записка Коленкура со всей ясностью, какой только можно пожелать, намечает тот общественный класс, который должен был быть отброшен в оппозицию Тильзитским миром. Это были представители крупного землевладения, то есть, те самые старые и молодые "монаршисты", с которыми управлял Александр до 1807 г., или, вернее, которые до этого времени управляли от его имени...».

Покровский был к Александру все же несправедлив – как верно заметил Сперанский, он был «слишком силен, чтобы быть управляемым». И если бы все за монарха решали «монаршисты», то и Тильзита ведь не было бы!

Но Покровский был прав, когда обвинял этих «монаршистов» в том, что они, «не сумев предупредить катастрофы», теперь все сваливали на «козлице отпущения» – императора. Впрочем, более точно будет сказать, что российская знать, по разным причинам, привязывая Россию с начала 1800-х гг. к Англии, катастрофу подготовила, и подготовила со всей неизбежностью. Она-то, эта знать, и мечтала о «стародворянской» императрице Екатерине II...

Однако на помещиках ведь Россия не заканчивалась. В ней мало кто тогда пил кофий, ел с веджвудского фарфора и одевался в тонкое «аглицкое» сукно. Так как же сказалась блокада на этой, на подлинной России?

Крепостным мужикам от убытков бар убытков не было. Что же русской экономики, то, например, расцвет русского бумагопрядильного производства был создан именно Тильзитским

М. И. Кутузов во время Бородинского сражения

миром, через год после подписания которого появилась первая русская бумагопрядильня. И в 1812 г. – году «предсказанной» Сперанским войны с Наполеоном, таких прядилен в одной Москве было одиннадцать. Росли как грибы и бумаготкацкие фабрики («бумажными» тогда называли хлопчатобумажные ткани).

С исчезновением английских купцов и за отсутствием французских русские купцы сделались царями петербургской биржи... Блокада устраняла английскую конкуренцию, ранее мешавшую развитию российской промышленности, а, значит, блокада способствовала росту последней. Тот же Покровский цитирует «Патриотическое рассуждение московского коммерсанта о внешней российской торговле», относящееся к началу 20-х гг. XIX столетия... И вот что писал «московский коммерсант», сожалея о временах континентальной блокады: «Не только многие богатые коммерсанты и дворяне, но из разного состояния люди приступили к устройству фабрик и заводов разного рода, не щадя капиталов и даже входя в долги... Все оживилось внутри государства и везде водворилась особенная деятельность.

Звонкая монета явилась повсюду в обороте, земледельцы даже нуждались в ассигнациях; в московских же рядах видны были груды золота; фабрики суконные до того возвысились, что китайцы не отказывались брать русское

сукно, и кяхтинские торговцы могли обходиться без выписки иностранных сукон. Ситцы и нанка стали не уступать отделкою уже английским; сахар, фарфор, бронза, бумага, сургуч доведены едва ли не до совершенства. Шляпы давно уже стали требовать даже за границу».

Как видим, континентальная блокада дала мощный толчок промышленному развитию не только европейского континента – такой же эффект она имела и в России! Тот же безымянный автор подытоживает: «При таком усовершенствовании русских фабрик в Англии едва ли не доходило до возмущения от того, что рабочему народу нечего делать».

Это было правдой... В 1819 г. в России были отменены протекционистские российские таможенные тарифы 1810 и 1816 г. и заменены фритредерским (то есть разрешающим «свободную торговлю») тарифом 1819 г. Так вот, по этому поводу в Лондоне были даны празднества.

Не в Петербурге, а в Лондоне!

Еще бы – остановившиеся английские фабрики пришли в движение, а «рабочий народ, – как пишет современник, – получил занятие за счет России»...

Вот уж именно что – «за счет»!

В том же «Патриотическом рассуждении...» «московский коммерсант» сетует о ситуации, обусловившей лондонские восторги 1819 г.: «Вскоре наводнилось отечество наше отовсюду необъятным множеством разных иностранных товаров, между тем как наше железо лежало на бирже без хода, и последовало из того явное преизбыточество ввоза перед отпуском отечественных товаров, вознаграждение одного звонкою монетою вывело всю ее за границу».

Обращаю внимание читателя на то, что речь здесь идет о начале 20-х гг. XIX века... Еще в конце XVIII века русское «соболиное» железо ценилось выше шведского, а через четверть века оно уже даже на внутреннем рынке не могло конкурировать с импортом. И это была плата за упущенные александровской Россией исторические возможности выйти на новый виток прогресса – технологический.

В уже близкой – начавшейся с 1826 г., николаевской России, сменившей Россию александровскую, научно-техническое и технологическое отставание от передовой Европы лишь усилится, программируя трагедию Крымской войны 1854–1855 гг... И трижды прав был академик Покровский, когда, давая общую оценку российской ситуации перед Отечественной войной 1812 г., констатировал: «Спор шел между промышленным и аграрным капитализмом: первому континентальная блокада была на руку, для второго в ней заключалась гибель».

Наполеон, вводя режим блокады, справедливо считал, что промышленность для государства важнее, чем торговля, что интересы промышленников и национального государства совпадают всегда, потому что промышленность привязана к национальной почве, а интересы торговли и национального государства очень часто расходятся, поскольку торговля по природе своей космополитична.

Александровское же государство стояло на стороне не промышленников, а дворян – торговых поставщиков сырья на внешний рынок. И поскольку в России все определяли ленд-лорды с андреевскими, анненскими и владимирскими лентами, режим континентальной блокады в России был рано или поздно, но обречен.

И этот факт лишний раз объективно доказывал, что Российское государство уже в начале XIX века стало все более утрачивать национальный характер, а его правящий слой – не лично царь, формально самодержавный, а именно правящий слой, стал приобретать все более антинациональную и космополитическую окраску. Причем это было свойственно российской элите XIX века в принципиально большей мере, чем элите остальных государств Европы. А объяснялось это тем, что только российская помещицья знать, «сырьевая» по своей сути, всеми силами противилась отбору у нее дешевого источника дохода – крепостных работников. Помещики-дворяне XIX века не желали ставить на прогресс, на промышленность... Помещикам хватало на роскошную жизнь и «сырьевых» доходов от мачтового леса, парусного полотна и канатной пеньки.

Когда эра дорогой нефть..., пардон, когда эра парусного флота закончилась, закончились и доходы. И что оставалось дворянству, решившему, что торговля сырьем важнее национальной индустрии? Оставалось деградировать, отравлять общественную атмосферу и готовиться к тому, что великий Чехов выведет их в своем «Вишневом саду»...

Над этими коллизиями русской истории XIX века не мешало бы поразмыслить, сравнивая былое и нынешнее, также современным поколениям россиян.

Программируя деградацию России в дальней перспективе середины и второй половины XIX века, в реальном масштабе времени – в начале 10-х гг. XIX века, дворянство срывало континентальную блокаду и программировало войну России с Наполеоном.

Вина за зреющий конфликт Франции с Россией лежала, конечно, и на Наполеоне. А, возможно, не только, да и не столько на нем, сколько на тех, не афиширующих себя, однако могущественных силах, которые обладали такой властью, что подчиняла себе даже якобы строптивного и якобы самодостаточного императора французов.

Имеется в виду, конечно же, власть денег.

Пути крупных денег во все века были и остаются еще более неисповедимы, чем пути Господни. Идя по ним (имея в виду пути мировых финансистов), можно прийти к очень неожиданным выводам. Например, можно предположить, что Наполеон не пошел в Россию, а его посла-

Пожар Москвы. А. Ф. Смирнов, 1813 г.

ли в Россию. И послали не потому, что Россия срывала экономическую блокаду Англии, а для того, чтобы Россия, не дай Бог, не упрочила режим этой блокады! Ведь последний вариант мог привести к резкому ослаблению власти в России ленд-лордов и соответствующему резкому усилению влияния российской национальной буржуазии...

За этим могли последовать отмена крепостного права и форсированное промышленное развитие России, выводящее ее при огромном ресурсном потенциале и при развитии Русской Америки в первую державу мира! Надо это было хоть Англии, хоть мировым финансистам?

То-то и оно!

Однако я не буду здесь развивать эту любопытную тему, а сразу, минуя вторжение Наполеона в Россию, горящий Смоленск, Бородино, горящую Москву и битву под Малоярославцем, перейду к тому моменту, когда замерзающие остатки наполеоновских войск готовились убраться из России...

В России тогда было три главных фигуры, определяющих военные планы: император Александр, главнокомандующий Кутузов и... английский комиссар при русской армии Роберт То-

мас Вильсон, тридцатипятилетний английский генерал.

Тон переписки Вильсона с русским царем напоминал тон, взятый хотя и вежливым, но хозяином (Вильсоном) с приказчиком (царем). Что же до Кутузова, то Вильсон его тихо ненавидел, поскольку, как хорошо написал академик Тарле, для Вильсона в войне русских с французами главным было «избавление лондонского купечества, ливерпульских судовладельцев, манчестерских ситценабивников от континентальной блокады, а Кутузов этим не интересовался», поскольку для Кутузова «единственно важным было освободить Россию, принеся наименьший ущерб русской армии».

Исходя из этой генеральной линии, Кутузов ввязывался в бои лишь в той мере, в какой это было необходимо для изгнания Наполеона из русских пределов. В одном из разговоров с Вильсоном, провоцировавшим Кутузова на «уничтожение Наполеона», фельдмаршал напрямик заявил, что вовсе не видит особой необходимости тратить силы на конечное уничтожение Наполеона, потому что «наследниками власти Наполеона будет не Россия и не какие-либо другие континентальные государства, а воспользуются всем те, которые ныне господствуют на морях и которых владычество делается тогда нестерпимым...»

Это было ведь сущей правдой, как в воды Севастопольской бухты 1855 г. смотрел в 1812 г. старый фельдмаршал!

23 декабря 1812 г. Александр прибыл в Вильну (нынешний Вильнюс) к армии. Для Кутузова, по оценке Евгения Викторовича Тарле, «война с Наполеоном кончилась» в тот момент, когда Мишель Ней с немногочисленным арьергардом «перешел по неманскому мосту на прусский берег», но для Александра война лишь начиналась.

С любой точки зрения, кроме точки зрения юного гусарского корнета, это было немудно и даже преступно. Если исходить из того, что война началась из-за желания Наполеона сохранить в России режим континентальной блокады и

Наполеон принимает в Тильзите Луизу Прусскую, Александра I и Фридриха Вильгельма III 6 июля 1807 г. Николая Госсе, 1837 г.

желания России избавиться от него, то после разгрома Наполеона режим блокады для России перестал существовать без каких-либо надежд Наполеона на его восстановление! Куда-куда, но в Россию – при всем своем упрямстве – Наполеон больше не сунулся бы! И уж, во всяком случае, французского солдата теперь в Россию нельзя было ни кнутом погнать, ни пряником заманить.

Что же толкало русского царя на путь не только бесперспективный, но даже гибельный для его же Отечества? Если исключить личные мотивы, руководствоваться которыми для государственного деятеля уже есть преступление, то остается искать причину в «золотом» английском диктате. Однако он – после всех русских успехов – не так уж был и силен. Да, приехавший с царем в Вильну английский посол Кэткарт усиленно настаивал на продолжении войны, но суть его хлопот от Александра не ускользнула, и он прямо спросил у Вильсона: «Скажите, не имеете ли вы и Кэткарт приказания в то время, как мы вступим в Пруссию и Германию, сжечь все тамошние мануфактурные заведения?».

Иными словами, русский царь был в состоянии понять, что дело не в высоких «священных принципах», якобы «обязывающих» Англию и Европу «избавиться от корсиканского чудовища», а в стремлении Англии избавиться от угрозы континентальной конкуренции.

Понимать понимал, а поступал вопреки собственному пониманию.

Жаль...

Что обеспечивал Александр России в будущем, решив «освободить Европу»? Не более, чем роль европейского жандарма, что и случилось после учреждения 14(26) сентября 1815 г. в Париже «Священного союза европейских государей» Австрии, Пруссии и России. В ноябре к акту «Братского христианского союза присоединилась Франция, а затем и большинство европейских государств при неформальном патронаже Англии.

Целью союза было подавление революций и освободительных движений, однако это был не столько пролог (александровская Россия подавляла возможные европейские революции психологически, самим фактом своей позиции), сколько итог европейской политики Александра в 1813–1815 гг.

Кутузов не хотел новых и ненужных жертв России, настаивать же на своем сил у него уже не было... В Вильне старый знакомец А. С. Шишков, государственный секретарь, также не ви-

девший смысла в переносе военных действий в Европу, прямо спросил фельдмаршала – почему он не отстаивает своего мнения перед царем более решительно? Кутузов признался: «Я представлял ему об этом, но, первое, он смотрит на это с другой стороны, которую также совсем опровергнуть невозможно; и, другое, скажу тебе про себя откровенно и чистосердечно: когда он доказательств моих оспорить не может, то обвиняет меня, поцелует, тут я заплачу и соглашусь с ним».

12 января 1813 г. Кутузов издал воззвание к Русской армии, где говорилось: «...Перейдем границы и потщимся довершить поражение неприятеля на собственных полях его...».

Заграничный поход начался, а 27 апреля 1813 г. к умирающему Кутузову пришел царь – проститься. Замешкавшийся за ширмой у кровати чиновник Крупенников, состоявший при Кутузове, подслушал краткий диалог. Он явно имел место в жизни, а не в воспоминаниях Крупенникова, ибо придумать такое не смог бы и Шекспир...

– Прости меня, Михаил Илларионович! – стал в позу христианского смирения царь.

– Я прощаю, государь, – ответил Кутузов, которому уже не оставалось ничего, как сказать правду, – но Россия вам этого никогда не простит...

Царь не ответил ничего.

На другой день Кутузова не стало.

Русские двинулись в путь к Парижу, обильно поливая землю Европы кровью поражений при Люцене, Бауцене, Дрездене и кровью победы в «Битве народов» при Лейпциге 16–19 октября 1813 г., которая стоила нам 22 тысяч жизней...

30 марта 1814 г. капитулировал Париж, куда Александр въехал как триумфатор.

25 июля он возвратился в Петербург, 1 ноября 1814 г. открылся Венский конгресс...

А 3 января 1815 г. стараниями непотопляемого Талейрана Франция, Австрия и Англия заключили тайный союз против России и Пруссии.

БРЕЗКУН Сергей Тарасович –
член-корреспондент Академии геополитических
проблем